

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Красин

Инновационный тип развития
общества и политическая система
в России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Krasin_innov.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Быть может, они продолжают поиск? Это было бы полезным. Ведь взвешенная позиция может быть выработана только в том случае, если при ее подготовке задействован весь спектр всесторонне продуманных позиций.

Инновационный тип развития общества и политическая система в России*

Переход к инновационному развитию официально провозглашен стержневой стратегической задачей российского общества. Об этом сказано много красивых и правильных слов. Приняты развернутые планы на разных уровнях управленческой вертикали и на предприятиях, выделены немалые финансовые средства. Но результаты пока не впечатляют. Научную и гражданскую общественность, да и саму власть, во все большей степени тревожит бросающаяся в глаза пробуксовка реализации инновационных планов и программ. Все чаще в научных и общественных дискуссиях звучит мысль о том, что причина состоит в одностороннем понимании инновационного развития как преимущественно технологической проблемы, в недооценке социально-политической составляющей этого феномена.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо прежде всего определить, что представляет собой инновационное развитие и как оно соотносится с политической реальностью, со сложившейся в России политической системой.

Следует признать, что инновации, нововведения имели место на протяжении всей истории человечества. Взаимодействуя с природой, люди постоянно изобретали и совершенствовали орудия, средства, способы производственной деятельности ради ее результативности. Однако одни инновации были малозаметными, не выходили за рамки привычных форм деятельности и образа жизни, другие же существенно видоизменяли способы производства и в конечном счете структуру, устройство и функционирование социума.

В цепи нововведений время от времени происходили инновационные «скачки», влекущие за собой качественные изменения форм общественной жизнедеятельности. Так, по инновационным рубежам в производственном освоении материалов в истории пер-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

вобытного общества отчетливо выделяются каменный, бронзовый и железный век. Переход к земледелию положил начало аграрному обществу. Инновационный скачок, порожденный освоением машинного производства, открыл эпоху индустриализма, изменившую облик социума и создавшую почву для промышленного капитализма.

За последние полвека в самом фундаменте человеческого социума, несомненно, происходят качественные сдвиги. Они настолько глубоки, что получали в научном и общественно-политическом лексиконе названия, неизменно включавшие слово «революция»: «вторая промышленная революция», «научно-техническая революция», «информационная революция». Подстегиваемая этими переменами глобализация, в свою очередь, способствовала их распространению на весь мир. Явно наметился переход к новому типу социально-экономического развития. Центр тяжести общественного производства стал быстро перемещаться с материальных факторов на духовные — знание, информацию, творчество. Ученые и публицисты заговорили об «экономике знания» или «умной экономике». Все более очевидно, что доминирующую роль в общественном производстве начинает играть всеобщий труд, т. е. наука, сублимированный в ней интеллектуальный потенциал общества.

Теоретическим слепком этих перемен во второй половине прошлого столетия стали концепции «постиндустриального», «информационного», «постсовременного» общества. Поначалу казалось, что в обозримой перспективе «новый тип общества» утвердится, по крайней мере, в экономически продвинутых странах. Однако вскоре обнаружилось, что в нескончаемом потоке перемен сохраняются и прежние уклады производства и социальных взаимоотношений. И не только на мировой периферии, но и в развитых странах, где они сочетаются с архаичными формами общественного бытия и сознания, подпитываемыми расширением каналов трудно контролируемой глобальной миграции. Поэтому перемены свидетельствуют не столько о «новом обществе», сколько о становлении качественно нового *инновационного типа развития (ИТР)*, базирующегося на творческой энергетике общества, высоких технологиях и отличающегося динамизмом и способностью адаптироваться к быстрым переменам. В результате изменяется характер социально-экономического и социокультурного развития общества. Решающим фактором становится творческий потенциал индивида (*человеческий капитал*), включенный в основанную на доверии и солидарности кооперацию общественной деятельности (*социальный капитал*).

С переходом к ИТР человечество выходит на такой рубеж, когда социум нуждается в кардинальных *социальных инновациях*, призванных соединить принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов. На передний план социально-экономического развития выходит развитие человека как «общественного индивида». Под давлением этой потребности происходит гигантское разрастание социальной сферы (системы институтов и практик, осуществляющих функции образования, здравоохранения, социального обеспечения, обустройства среды обитания, финансирования и организации прикладных и фундаментальных научных исследований).

Развитие столь обширной сферы, предназначенной для раскрытия и активизации творческих сил и способностей человека, требует масштабного накопления социального капитала — богатства общественных отношений кооперации, солидарности, взаимного доверия, базирующихся на взаимосвязях и взаимодействии индивидов в социуме, на «комбинации общественной деятельности». Это смыслообразующее начало тех ценностей и целей, которые выходят за узкий горизонт эгоистических мотивов потребительского индивидуализма. Нарращивание социального капитала создает благоприятную общественную среду для ИТР, формирует инновационную культуру.

В своей совокупности человеческий капитал и социальный капитал и образуют основной ресурсный источник инновационного развития.

Страны, которые встали на этот путь, задают тон в мировом экономическом гандикапе и получают колоссальное превосходство над странами, застрявшими в русле инерционного развития. Несомненно, ИТР отвечает национальным интересам России. Во-первых, переживаемая российским обществом фундаментальная трансформация сама представляет собой масштабную социальную инновацию, неосуществимую в инерционных рамках; решение постоянно возникающих проблем, противоречий и кризисов требует неординарных подходов. Во-вторых, инновационное развитие приобщает Россию к центру и нерву глобальной экономики, а значит, к рычагам и механизмам глобального мироустройства. В условиях глобализации это объективно обусловленная двуединая задача России, без решения которой она вряд ли сможет сохраниться как единое суверенное государство.

Потребность в ИТР все более остро осознается политической и интеллектуальной элитой российского общества.

Одной из причин краха советской системы была неспособность адекватно отреагировать на инновационный вызов. Смысл советской перестройки 2-й половины 1980-х гг. заключался в том, чтобы ответить на этот вызов. Однако либеральные реформы 1990-х гг. поставили общество на грань распада. В повестку дня выдвинулся вопрос о том, как избежать падения в пучину полного хаоса и неуправляемости. Но именно в поисках выхода из системного кризиса зарождалось и крепло понимание той истины, что для России он недостижим простой заменой одной формы индустриального развития (государственного социализма) другой формой (рыночно-капиталистической). Для выхода экономики на более высокий (постиндустриальный) технологический уровень требовалась смена самого типа развития.

Со 2-й половины 1990-х гг. идея ИТР получает все более широкое распространение. На эту тему проводятся семинары и круглые столы, в регионах и на предприятиях разрабатываются соответствующие стратегические планы. В 1999 г. в Ульяновске и Москве была принята «Национальная хартия инновационной культуры», подписанная представителями науки, культуры, образования, бизнеса, органов управления. В ней говорилось о решающей роли культурной среды в формировании позитивного отношения людей к инновациям в производстве и условиях труда, об улучшении среды обитания, общественной жизни. В 2001 г. по этой тематике в Москве под эгидой ЮНЕСКО прошел международный форум, лейтмотивом которого стала мысль о том, что инновационная культура является стратегическим ресурсом XXI столетия. В том же году при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был образован Комитет по инновационной культуре, задача которого — налаживание партнерских связей с ЮНЕСКО по разработке этой проблематики.

Концепция инновационного развития вышла и на государственный уровень. В развитие утвержденных в 2003 г. «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» в феврале 2004 г. был принят правительственный документ «Основные направления политики Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года». Инновационная политика в этом документе ориентирована на формирование экономики, основанной на новых знаниях и перспективных технологиях. Эти установки были положены в основу концепции и перспективных планов социально-экономического развития России до 2020 г. По инновационной тематике опубликован большой объем литературы и научно-практических разработок.

Однако заметных подвижек не произошло, в том числе в «тучные годы» «энергетического бума», когда, казалось бы, возникла благоприятная обстановка для структурной перестройки экономики.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., наглядно вскрыл слабости и пороки российской общественно-политической системы, блокировавшие широкообсуждаемые провозглашенные технологические нововведения. Власти не удалось мобилизовать национальную энергию для решения назревших задач ИТР. Не этим ли вызвана смена терминологии в официальных документах? Вместо «инновационного развития» все чаще стало употребляться широкое и неопределенное понятие «модернизация». Это слово прочно вошло в лексикон политических выступлений, не сходит со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров. Однако обозначаемое им понятие далеко не однозначно и употребляется в разных смыслах. Для одних «модернизация» — это просто «обновление». Для других — становление высокотехнологичного производства. Третьи усматривают в ней переход к «модерну», к современному обществу по образцу индустриально развитых западных демократий. Невольно закрадывается сомнение: не скрывается ли за этой размытостью словоупотребления желание уйти от острой проблемы назревших и перезревших качественных перемен в российском социуме?

Сомнение только увеличивается, когда в дискуссиях смазывается вопрос о соотношении технологического и социального содержания модернизации, экономики и политики в самом подходе к ней. Наблюдается стремление свести модернизацию к технологическим изменениям, замкнуть ее в экономике, не допустить, чтобы она существенно затронула политическую систему, режим власти, основанный на жесткой вертикали и не опирающийся на горизонтальные пласты гражданского общества.

Президентская комиссия по модернизации с подачи самого президента наметила приоритетные направления инноваций: телекоммуникации, суперкомпьютеры, энергетика, космос, медицина. Технологические прорывы по всем этим направлениям действительно необходимы для инновационного развития российской экономики. Но как их осуществить в общественной среде, зараженной тяжелыми социальными болезнями, сопутствующими авторитарным методам правления и росту социального неравенства? Уже первая попытка создания на территории Сколково российской Силиконовой долины, генерирующей прорывные инновационные идеи, показала неразрывную связь технологических новаций с социальными. Сразу же обнаружилось, что для функционирования «креативного очага» высоких

технологий нужно либо изменять федеральное законодательство (налоговое, таможенное, градостроительное, регистрационное), либо устанавливать на этой территории особый правовой режим (своего рода «инновационный оазис» в национальной экономике).

Пример «Сколкова» показателен. Он свидетельствует о несоответствии нашего правового и политического порядка целям инновационной технологической модернизации. Этот пример наглядно демонстрирует, что крупные технологические инновации должны сопровождаться серьезными демократическими реформами всего общественно-политического устройства.

Между тем в общественное сознание, в том числе теоретическое, сегодня настойчиво внедряется постулат, будто бы в российских условиях технологическую модернизацию экономики может осуществить только авторитарная власть, а уж в процессе экономических преобразований эта власть сама собой демократизируется.

По сути дела, предлагаемая «технократическая идиллия» строится на методологической основе догматических представлений о базисе и надстройке. Столь жесткое разделение общественной жизни на «этажи» принципиально неверно, потому что не учитывает органического взаимодействия экономики и политики, благодаря которому экономические потребности осознаются и реализуются в политической форме и политическими средствами. Тем более в эпохи больших сдвигов, когда происходит «инверсия» экономических и политических факторов, и «технологические модернизации» просто невозможны без соответствующих социально-политических трансформаций.

Нынешние условия явно неблагоприятны для перехода России к ИТР. Инновационное обновление экономики наталкивается на препятствия, порождаемые консерватизмом и застойностью социально-политических порядков, дефицитом политической воли, направленной на проведение крупных инноваций именно в этой сфере. Внедрение высоких технологий затруднено деиндустриализацией страны вследствие радикально-либеральных «экспериментов» 1990-х гг. Урон, понесенный наукой, особенно фундаментальной, лишает перспективы многие стратегические направления инновационного развития.

Слабость гражданского общества мешает разворачиванию творческой энергии общественной самодеятельности, крайне необходимой для достижения великой цели «инновационного прорыва». Ни в элите, ни в самом обществе нет таких креативных сил, которые жизненно заинтересованы в крупных инновациях и способны стать социальной

базой и действенным субъектом ИТР. Напротив, в государственной политике тон задают консервативные силы, заинтересованные в неизблемости социально-политического статус-кво, а значит и в сохранении инерционного типа развития, ориентированного на «рентную экономику». Низкий уровень инновационной культуры и истощение социального капитала препятствуют созданию в России национальной инновационной системы — совокупности институтов, отношений, социальных практик, образующих каркас ИТР и закрепляющих достигнутые на этом пути результаты. Контуры такой системы только еще вырисовываются. Становится все более очевидным, что ее формирование потребует демократической трансформации российской политической системы.

Налицо парадоксальная ситуация: общество столкнулось с императивом «креативной модернизации», не решив задач модернизации более низкого порядка, назовем ее «первичной», призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», провести реиндустриализацию страны. Два вида модернизации — «первичная» и «креативная» — неразделимы во времени, хотя первая логически предшествует последней и является ее необходимой предпосылкой. Этот «парадокс» российской модернизации неординарен, и выход из него требует неординарного подхода: не формально-логической очередности стадий модернизационного процесса, а их своеобразной «инверсии», способной адаптировать инновационную политику к зигзагам противоречивого развития общества. Первостепенное значение для такого подхода приобретают воля и профессионализм правящей элиты и ее лидеров в выборе направлений и приоритетов модернизации, способствующих переходу к ИТР.

Дает ли нынешняя политическая система с ее авторитарными плюсами возможности для того, чтобы правящая элита осознала свою историческую ответственность и открыла путь к ИТР? На первый взгляд ответ очевиден. С общетеоретической точки зрения авторитарные методы вроде бы несовместимы с природой креативной экономики; инновационное развитие, вообще творчество нуждаются в свободной атмосфере, т. е. в демократии. Именно таким доводом оперируют сторонники внесистемной оппозиции, утверждая, что сначала Россия должна освободиться от авторитарного режима, а уж потом решать задачи модернизации и ИТР.

Но так можно ждать до греческих календ, потому что нынешняя система власти имеет довольно прочную корневую основу в обществе. Радикальный либерализм 90-х гг. прошлого века, выпустив

из бутылки джинна «необузданного эгоизма», породил не только «великое разочарование» в идеалах демократии и социализма, но и «великое искушение» потребительского благосостояния и достатка. Пройдя сквозь тяжелейшие испытания XX в., российский народ в своем большинстве так и не обрел сколько-нибудь достойного уровня жизни. И это в богатейшей стране, не обделенной талантливыми и трудолюбивыми людьми. На этом фоне щедрые радикально-либеральные посулы всеобщего рыночного благоденствия пробудили в психологии людей конформистские инстинкты.

Можно сколь угодно аргументированно теоретизировать относительно ущербности модели «индустриально-потребительского общества». Но это не заденет сознания населения страны, веками страдавшего от недопотребления. А если проводимый властью курс сопровождается хотя бы малой толикой даров от нефтегазовых сверхприбылей (львиная доля обеспечивает покой и благоденствие государственно-олигархической элиты), то вряд ли можно сомневаться, каким будет политический выбор большинства, не обладающего иммунитетом против вируса чистогана и всеобщей коммерциализации. Это благоприятствует росту консервативных настроений. По данным опросов значительные слои населения недовольны проводимой социальной политикой, но эффект нарастающего раздражения минимизируется этой основой. По-видимому, преодолеть это противоречие в сознании и поведении народного большинства возможно лишь на основе накопления им собственного социально-политического опыта. Для этого нужно время, и России, скорее всего, предстоит пережить более или менее длительный исторический зигзаг.

А пока для смены существующей политической системы нет сколько-нибудь значимых социально-политических ресурсов. Отсутствует альтернатива. Вернее, она неопределенна, носит «веерный» характер, не воспринимается обществом как реальная программа, подкрепленная необходимыми средствами осуществления. В такой ситуации радикальные призывы и действия не получают массовой поддержки, отторгаются обществом. Не в силу каких-то национально-исторических особенностей «российского менталитета», а в силу основанного на недавнем опыте предчувствия «большой катастрофы» и больших рисков срыва в бездну неуправляемости и распада. В то же время общество все острее ощущает, что потребность в переменах не исчезает, она постоянно дает о себе знать. От нее исходят новые и новые импульсы. Эта «жажда перемен» достаточно ясно отразилась в зеркале экономического кризиса и его последствий.

Аргументация внесистемной оппозиции, которая хочет смены политической системы, не срабатывает и не воспринимается обществом, потому что несет на себе печать доктринерского видения реальных противоречий российской трансформации. По многим причинам путь России к демократии долог и тернист. На нынешнем этапе для российского общества характерно противоречие между потребностью в «инновационной модернизации» и преобладающими трендами социально-политического развития. Рост избыточного социального неравенства и «сословное» расслоение общества ведут к усилению авторитарных тенденций и дегуманизации общественных отношений. Но это не застывшее, а живое противоречие, которое создает двустороннее давление. Не только авторитарный режим блокирует переход к ИТР, но и потребности в модернизации бросают вызовы этому режиму.

Модернизация стучится во все двери. От ее креативного содержания — перехода к ИТР — зависят как исход масштабной трансформации страны, так и положение России в глобализирующемся мире. И вместе с тем социальная практика со всей очевидностью показывает, что попытки прорыва в этом направлении наталкиваются на инерционность и тормозные механизмы сложившейся в России политической системы. Возникает необходимость в понимании собственно российского «коридора возможностей» для модернизации инновационного типа.

Нынешняя политическая система возникла в России не на пустом месте. Вслед за крушением во 2-й половине 1980-х — начале 1990-х гг. жестко авторитарной системы, унаследованной от сталинских времен, наступил период резкого ослабления государственности и необузданного разгула вседозволенности. Возникло состояние, близкое к полной потере управляемости. Нельзя было выйти из этого состояния без известного ограничения демократических свобод и укрепления государственных рычагов контроля и управления. Из потребности обуздания хаоса вырос режим «мягкого авторитаризма», который получил поддержку большинства общества, уставшего от свалившихся на него невзгод и лишений. При слабости гражданского общества и не устоявшихся отношениях собственности этот процесс сопровождался бюрократизацией государственных структур, их клановой и групповой «приватизацией», ростом чиновничьего произвола и коррупции. Режим развивался по линии усиления авторитарных тенденций. Это не значит, однако, что он превратился в некий монолит. Экономические и социальные потребности создают определенные возможности для постепенной демократической эволюции «мягкого авторитаризма».

Кризис и его последствия высветили эти возможности. Власть поставлена в такое положение, при котором она не может управлять по-старому. Когда-то Ленин писал о революционной ситуации, в которой верхи не могут, а низы не хотят жить по-прежнему, и это служило объективным показателем зрелости революции. Сейчас в России сложилась своего рода *«реформационная ситуация»*, когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Ее альтернатива — общественная деградация, уже захватывающая целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падение трудовой этики, рост жестокости и отчуждения, депопуляция обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту думать об изменении способов правления. Экономический кризис стал для нее тревожным звонком. Успешный выход из кризиса требует гибких творческих решений, подрывающих жесткость административной вертикали; требует гражданской инициативы и массового энтузиазма, что противоречит авторитарным методам правления. Механизмы ручного управления все чаще дают сбой, порождая у правящей верхушки неуверенность в своей способности справиться с последствиями кризиса. Все ее поведение представляет собой смесь растерянности, робкого поиска иных подходов и страха за свое будущее. Она вынуждена прибегать к маневрам, делать противоречивые заявления, советоваться с «аутсайдерами», невольно расширяя круг участников политического процесса, допуская в него умеренных оппонентов власти.

Авторитарный режим под давлением невозможности справляться с лавиной вызовов и угроз автократическими методами начинает проявлять некоторую гибкость. В нем образуются трещины, расширяющие публичную сферу, *арену общественной рефлексии* вокруг проблем развития российского социума. Эти пока еще слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду, можно сказать, содержат намек на постепенную демократическую эволюцию политической системы, поэтапную консолидацию в ее рамках конструктивных течений *политической оппозиции* и появление новых демократических альтернатив, способных изменить авторитарный вектор государственной политики.

В общественно-политическую жизнь вносится фермент, способный стать катализатором создания в стране *конкурентной среды*, необходимой для поиска адекватных ответов на современные вызовы,

утверждения инновационного типа социально-экономического развития и формирования устойчивой демократии — внутренних источников саморазвития и самообновления общества.

В этом намечающемся процессе экономика и политика тесно переплетаются и взаимодействуют. По мере осознания правящей элитой императивной необходимости кардинального обновления экономики иницилируемые сверху задачи технологической модернизации, независимо от намерений власти, приобретают политический смысл. Наталкиваясь на барьеры политической системы, решение этих задач стимулирует ее демократизацию и тем самым расширяет возможности модернизации общества в целом.

По всей вероятности, демократическая эволюция политической системы в России будет противоречивой и долгой. Это значит, что при нынешних темпах развития и глобализации мира решение узловых проблем перехода страны к ИТР не могут откладываться до завершающих этапов процесса демократизации. Усилия по использованию имеющихся и созданию новых возможностей для постоянного продвижения к намеченной цели, должны предприниматься здесь и сейчас. Иначе Россия неминуемо скатится на периферию формирующегося глобального мира.

Инновационное развитие и демократия*

В основу Стратегии развития России до 2020 г. положена концепция инновационного развития. Это предполагает прежде всего соответствующий уровень развития человека, его творческих сил. Речь идет о формировании человеческого капитала, т. е. знаний, навыков и опыта, необходимых для участия возможно большего числа граждан в инновационных процессах, а также о том, что принято называть социальным капиталом, т. е. взаимосвязями между индивидами и группами индивидов, основанными на ценностях доверия, сотрудничества, ответственности, солидарности и т. п. Оба фактора, в свою очередь, зависят от состояния политической системы общества.

Что необходимо, чтобы все это «заработало»? Какие механизмы могли бы подтолкнуть к действию наше еще довольно инертное общество, наш бизнес, трудовые коллективы? Что могло бы придать но-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».